

Критика младограмматизма. Возникновение новых течений

Конец XIX века характеризовался крупными открытиями в области языкознания, сделанными младограмматиками. В начале XX века, когда вслед за открытиями наступает период относительного затишья, поднимается ожесточенная критика младограмматической трактовки языка и методов его исследования. К этому периоду, определяемому иногда как период кризиса в языкознании, относится создание новых лингвистических школ и течений, находящихся в резкой оппозиции к младограмматизму. Сюда, прежде всего, относится направление «слов и вещей» австрийского лингвиста Гуго Шухардта (1842 – 1928) и связанная с этим течением лингвистическая география, школа эстетизма, возглавляемая немецким лингвистом-романистом Карлом Фосслером (1872 – 1949), и оформившаяся несколько позднее итальянская школа неолингвистики.

Направление «слов и вещей». Лингвистическая география. Уже Бодуэн де Куртене шел вразрез с младограмматическим пониманием звуковых законов, указывая, что они являются результатом действия разнообразных и часто противоречивых факторов, почему их вообще нельзя именовать законами. Против младограмматической трактовки звуковых законов выступил в самый расцвет младограмматизма Г. Шухардт в статье «О фонетических законах (против младограмматиков)» (1885). Его статья привела к бурной дискуссии, после которой младограмматики вынуждены были ввести ограничения в действие фонетических законов. Шухардт отрицал абсолютный характер действия фонетических законов, утверждая, что существуют «спорадические фонетические изменения». «Окажись я вынужденным признать», – писал он, – понятие «непреложность», я применил бы его скорее к факту существования спорадических фонетических изменений, чем к фонетическим законам, поскольку всякое фонетическое изменение на известном этапе является спорадическим. И если во что бы то ни стало необходимо охарактеризовать эти точки зрения в противопоставлении их друг другу, то уместно говорить об абсолютной и относительной закономерностях» (39, 308, ч. I).

Шухардт выступил также против возможности деления истории языка на четко разграниченные хронологические периоды, отрицал наличие границ между отдельными говорами, диалектами и языками. По его мнению, «локальные говоры, поддиалекты, диалекты и языки – абсолютно условные понятия», так как «не существует ни одного языка, свободного от скрещений и чуждых элементов». Основную причину языковых изменений он видел в беспрерывных языковых скрещениях, смешениях языков. В соответствии с этим тезисом Шухардт выдвинул вместо генеалогической классификации языков теорию «географического выравнивания», то есть непрерывного перехода одного языка в другой в соответствии с их географическим положением, отмечая континуальность, непрерывность языка в целом.

Шухардт, как и младограмматики, считал язык продуктом говорящего индивида, подчеркивая при этом, что социальное положение, условия жизни индивида, его характер, культура, возраст оказывают прямое влияние на язык, формируют индивидуальный стиль. «Элементарное» родство языков видится ему в общности психической природы людей.

Значительное внимание Шухардт уделял этимологическим, семасиологическим и другим частным вопросам языкознания. Вместе с тем он отмечал, что лингвисты «должны научиться находить общее в частном, и в силу этого правильное понимание какого-нибудь важнейшего факта, играющего решающую роль в языковедческой науке, имеет гораздо большее значение, чем понимание любой частной формы явления» (39, 310, ч. I). По его мнению, «всякое частное языкознание переходит в общее, должно быть составной частью его, и чем выше будет подниматься в научном отношении общее языкознание, тем решительнее оно будет отбрасывать все случайное и эмпирическое» (39, 312, ч. I). При самом тщательном анализе частных вопросов языковедение обязано не терять из виду общее, самое общее. Эти положения были направлены против эмпиризма младограмматиков.

В 1909 г. Г. Шухардт и его австрийский коллега Рудольф Мерингер (1859 – 1931) начинают издавать журнал «Слова и вещи», откуда и название этого течения в лингвистике. Шухардт и Мерингер ставили своей целью изучение истории слов не только на основе их лингвистического анализа, но и в связи с историей вещи, поскольку «слово существует лишь в зависимости от вещи». «Если цыганская семья, – пишет Шухардт, – гнездится среди развалин старинного дворца, если негритянский вождь водружает на голову в качестве короны цилиндр, если негритянская красавица в широко растянутых мочках ушей носит банку из-под консервов, то ни дворец, ни цилиндр, ни консервная банка не являются культурным достоянием этих народов; это чужие вещи, аналогичные чужим словам» (39, 316, ч. I). Чтобы исследовать слова, связанные, например, с историей какого-либо дома, лошади, виноградника, илы, горшка и т. д., необходимо, считал Г. Шухардт, «говорить здесь об истории строительного искусства, приручения лошади, культуры виноградарства, кузнечного и гончарного производства и еще правильнее – об истории того, кто строит, приручает животных, сажает лозу, куст и изготавливает гончарные изделия» (39, 316, ч. I). Благодаря деятельности человека, творящей и оформляющей вещи, «возникает полный параллелизм между историей вещей и историей слов». По характеру своей концепции течение «Слова и вещи» замыкалось в области проблем этимологии, лексикологии и семасиологии. Такое пристальное внимание к семантической стороне языка также было направлено против младограмматической концепции, поскольку в центре внимания младограмматиков оказываются фонетика и морфология, а семантика изучается ими слабо и поверхностно. В противовес интерпретации младограмматиками языка как самодовлеющего механизма, развивающегося и функционирующего в соответствии с фонетическими законами и законами

аналогии, Шухардт рассматривает язык как инструмент деятельности человека, тесно связанный с социальными и культурными институтами.

В тот же период в Германии Георг Венкер (1852 – 1911), во Франции Жюль Жильерон (1854 – 1926) на основе «географического выравнивания» Шухардта и «волновой теории» И. Шмидта (1843 – 1901) создают лингвистическую географию, у истоков которой стоят Бодуэн де Куртенэ и Г. Асколи (1829 – 1907). В 1876 г. Венкер разослал учителям анкету, на которую через десять лет получил 40 тысяч ответов. В результате обработки этих анкет и работы продолжателя Венкера Фердинанда Вреде (1863 – 1934) в 1926 – 1932 гг. вышел шеститомный немецкий диалектологический атлас. Он был посвящен главным образом фонетике. Подготовка диалектологического атласа Франции Ж. Жильероном в сотрудничестве с Эдмоном Эдмоном (1848 – 1926) началась позднее Венкера, однако его 12-томное издание вышло гораздо раньше – в 1902 – 1910 гг. В нем в основном рассматривались вопросы лексики. В отличие от анкетного метода Венкера, французский диалектологический атлас готовился прямым методом: путем точной записи в фонетической транскрипции ответов на местах на 639 пунктов вопросника. В 1903 г. была основана Московская диалектологическая комиссия и в России, которая издала в 1915 г. работу «Диалектологическая карта. Русский язык в Европе».

Лингвогеография впервые показала всю сложность языка в территориальном и социальном отношениях. Стал очевидным тезис «географического варьирования» языка Шухардта: диалектные массивы оказались не сплошными, а с различными областями распространения отдельных явлений говора – слов, форм и звуков, так называемыми изоглоссами. Границы изоглосс впервые удалось связать с причинами культурно-исторического характера. Положение Шухардта о том, что язык – континуум, непрерывность, также стало очевидным с появлением лингвистической географии. Подтвердилось и положение Шухардта о том, что не существует не смешанных языков или несмешанной речи: говоры постоянно взаимодействуют как между собой, так и с письменным языком. Лингвистическая география стала неотъемлемой областью современного языкознания, расширив предмет и методы исследования.

Неолингвистика. В двадцатые годы XX века формируется еще одно направление, находящееся в оппозиции к младограмматикам и получившее название неолингвистики. Его представителями являются итальянские лингвисты Джулио Бертони (1878 – 1942), Маттео Бартоли (1873 – 1946), Витторио Пизани (1899 – 1990), Джулиано Бонфанте (1904 – 2005) и другие. Принципы новой школы были впервые изложены в «Кратком очерке неолингвистики» (1925), авторами этой книги являлись Дж. Бертони и М. Бартоли. Наиболее полное и четкое изложение общетеоретических положений неолингвистики содержатся в работе Дж. Бонфанте «Позиция неолингвистики» (1947). Название этой школы возникло из противопоставления ее младограмматизму: младограмматики занимались

только грамматикой, а неолингвисты хотят быть лингвистами, то есть исследовать более широко весь круг проблем науки о языке.

Методологические принципы неолингвистики базируются на идеях Гумбольдта о языке как духовной деятельности, положениях итальянского философа-интуитивиста Бенедетто Кроче (1866 – 1952) и К. Фосслера о художественном творчестве как движущей силе языковых изменений, тезисах Шухардта о географическом варьировании и смешении языков, волновой теории И. Шмидта. В «Позиции неолингвистики» Дж. Бонфанте рассматривает 51 основное теоретическое различие между неолингвистами и младограмматиками. По мнению неолингвистов, при изучении языка следует учитывать конкретные условия его развития, сложность и многофакторность языкового развития. Фактически же при исследовании языка неолингвисты отдавали предпочтение географическому фактору, географическому местоположению и соприкосновению языков и диалектов. По их мнению, единого языка не существует, имеется лишь совокупность различных изоглосс. Отсюда и определение языка как системы изоглосс, «соединяющих индивидуальные лингвистические акты». Принципы лингвистической географии они применяют и при изучении индоевропейского праязыка, считая при этом, что между языками не четких границ, а существует лингвистическая непрерывность с постепенными переходами. Учитывая то значение, которое неолингвисты придавали географическим факторам, их школу нередко именуют пространственной, или ареальной, лингвистикой. Термин «ареал» ввел в научный оборот Жильерон. Он означает распространение языкового явления в данную эпоху на данной территории в пределах либо одного языка или диалекта, либо группы родственных языков или диалектов. Учение об ареалах, методика исследования и данные лингвистической географии занимают значительное место в концепции неолингвистов.

Неолингвисты отвергают генетическое родство языков в его младограмматическом понимании. По мнению Бонфанте, «классифицировать румынский как романский, английский как германский, болгарский как славянский – значит грубо и ненаучно упрощать всю проблему, что не оправдано ни природой, ни процессами развития этих языков» (39, 341, ч. I), поскольку все эти языки обнаруживают колоссальное влияние других языковых групп. Вместо генетического родства неолингвисты выдвигают понятие языкового союза. «Так же как нет реальных границ или барьеров между языками одной группы (например, французским, провансальским, итальянским и т.д.), так нет их и между языками одного семейства (например, французским и немецким или между немецким и чешским) или даже между языками различных семейств (например, русским и финским)», – считает Бонфанте (39, 340, ч. I). Много внимания в связи с этим они уделяют смешению языков, заимствованиям, скрещиванию языков. Языковые союзы рассматриваются ими как языковые объединения, образовавшиеся в результате взаимовлияния сосуществующих

в течение длительного времени языков. Классическим примером такого союза является Балканский языковой союз, в котором греческий, албанский, македонский и румынский языки в результате длительного исторического взаимодействия приобрели ряд общих черт.

Для неолингвистов язык является эстетическим явлением, выражением эстетического творчества. Возникновение и распространение языковых новообразований основывается на эстетическом отборе, зависит от творческой силы индивидуума, его социального влияния, литературной репутации. И в этом смысле «новообразование короля обладает лучшими шансами, чем новообразование крестьянина». Если для младограмматиков язык есть не что иное, как грамматика, каталог грамматических категорий, полагает Бонфанте, то для неолингвистов язык есть совокупность эстетических категорий. В этой совокупности «никакая английская грамматика, как бы она ни была хороша, не в состоянии заменить чтение Шекспира или Шелли или даже самого скромного выражения» простого человека. Такой подход к языку роднит неолингвистов с эстетической школой К. Фосслера.

Эстетизм в языкознании. Главой эстетической школы, или школы эстетического идеализма, или неофилологии, в истории языкознания считается немецкий лингвист-романист К. Фосслер (1872 – 1949). Свои программные взгляды на сущность и природу языка он изложил в работе «Позитивизм и идеализм в языкознании» (1904), направленной против младограмматиков. В последующих работах «Язык как творчество и развитие» (1905), «Избранные статьи по философии языка» (1923), «Дух и культура в языке» (1925), а также многочисленных статьях он либо детализирует положение первой книги, либо включает их в более широкие культурно-исторические рамки, рассматривая отношения языка и речи, языка и религии, языка и науки, языка и поэзии.

Методологической основой лингвистической концепции К. Фосслера является философия немецкого идеализма, взгляды итальянского философа-интуитивиста и эстетика Бенедетто Кроче, а в собственно лингвистическом плане – философия языка В. фон Гумбольдта. Отправной точкой концепции К. Фосслера является дух как причина любой деятельности, в том числе и языковой. «Для нас автономным является не язык с его звуками, – отмечает Фосслер, – а дух, который создает его, формирует, двигает и обуславливает в мельчайших частностях. Поэтому языкознание не может иметь никакой иной задачи, кроме постулирования духа, как единственно действующей причины всех языковых форм» (39, 331, ч. I). Именуя младограмматиков позитивистами, он критикует их за то, что изучение языковых явлений те считают самоцелью, сводя всю работу к накоплению и описанию фактического материала. Идеализм в языкознании, по мнению Фосслера, означает выявление причинных связей между языковыми фактами, так как движущей силой языковых изменений выступает дух языка. «Если идеалистическое определение – язык есть духовное выражение – правильно,

то тогда история языкового развития есть не что иное, как история духовных форм выражения, следовательно, история искусства в самом широком смысле этого слова», – подчеркивает Фосслер (39, 329, ч. I). Отсюда грамматика для него – «это часть истории стилей или литературы», включенной в свою очередь во всеобщую духовную историю, или историю культуры.

Рассматривая вслед за Кроче язык как продукт творческой интуиции отдельных лиц, Фосслер полагал, что именно в силу творческого характера языка первоначальным стимулом всякого языкового изменения, а стало быть, и всего процесса развития языка, выступает «человеческий дух с его неистощимой индивидуальной интуицией», а «единовластной королевой филологии может быть только эстетика». Фонетика, акустика, физиология органов речи, антропология, этнология, экспериментальная психология, по Фосслеру, – это только описательные вспомогательные дисциплины, они могут лишь показать условия, в которых развивается язык, но никак не причины этого развития.

Отличие индивидуализма Фосслера от индивидуализма младограмматиков прослеживается на разграничении им стилистики и синтаксиса. Языковое употребление, которое стало правилом, описывает синтаксис. В позитивистском (младограмматическом) синтаксисе многократно и многими индивидуумами повторенное средство выражения выступает в качестве правила. Языковое употребление как индивидуальное творчество рассматривает стилистика. «Каждое средство выражения, – пишет Фосслер, – прежде чем стать общепринятым и синтаксическим, первоначально и многократно было индивидуальным и стилистическим, а в устах оригинального художника даже после того, как оно стало общим, не перестает быть индивидуальным» (39, 329, ч. I). Для Фосслера «все элементы языка суть стилистические средства выражения», так как любая речь есть индивидуальная духовная деятельность; стиль представляет собой индивидуальное духовное выражение. Все явления языка, будучи зафиксированы и описаны в фонетике, морфологии, словообразовании и синтаксисе, «должны находить свое конечное, единственное и истинное истолкование в высшей дисциплине – стилистике». Грамматика, по мысли Фосслера, должна полностью раствориться в эстетическом рассмотрении языка.

Эстетическая концепция языка Фосслера во многом базируется на эстетической философии языка Б. Кроче. Кроче делил человеческое познание на интуитивное и логическое. Первое дает познание индивидуального, отдельных вещей, второе дает познание универсального, отношений между вещами. Интуитивное познание создает образы, логическое – понятия; первое представлено в искусстве, второе – в науке. Объектом эстетики как части философии является выражение, так как каждое проявление интуиции, каждое создание образа есть в то же время выражение. По мысли Кроче, язык

также состоит из индивидуальных выражений, что роднит языкознание с эстетикой.

Выступая против тезиса младограмматиков об аналогии и звуковых законах как причинах языковых изменений, Фосслер выдвигает духовную причину фонетических изменений, считая, что между фонетическим законом и аналогией в этом случае не существует качественного различия. Эту духовную причину в фонетике он называет акцентом языка. С точки зрения Фосслера, «акцент и значение – разные слова для одного и того же явления: оба означают психическое содержание, внутреннюю интуицию, душу языка. Оба находятся в одинаковых внутренних отношениях к звуковому феномену» (39, 332, ч. I). Для него «акцент» есть дух и только дух, точно так же как и «значение». Духовную важность акцента он иллюстрирует следующим примером: «Об одном знаменитом итальянском артисте рассказывают, что он умел до слез растрогать публику, произнося по порядку числа от одного до ста, но с таким акцентом, что слышалась речь убийцы, кающегося в своем злодеянии. Никто больше не думал о числах, но только с трепетом сочувствовал несчастному преступнику. Акцент придал итальянским числам необыкновенное значение. А что может сделать глубокое по смыслу стихотворение, если его соответственно продекламировать!» (39, 332, ч. I). Акцент у Фосслера выступает в качестве связующего звена между стилистикой или эстетикой и фонетикой; исходя из него, следует объяснять все фонетические изменения в языке.

По мысли Фосслера, последовательно идеалистическая система языкознания предполагает либо эстетическое и эстетико-историческое рассмотрение языка. В первом случае исследуются «отдельные формы выражения сами по себе и независимо друг от друга с точки зрения их особой индивидуальности и своеобразного содержания». Второе направление «должно суммировать и группировать», исследовать языковые формы различных народов и времен хронологически – по периодам и эпохам, географически – по народам и расам и по «индивидуальностям народов» и по духовному родству. Свои лингвистические принципы Фосслер практически воплотил в книге по истории французского языка «Культура Франции в зеркале ее языкового развития» (1913).

Каждый из периодов развития французского языка Фосслер характеризует с двух точек зрения: общественно-политической и литературно-художественной. Особенностью старофранцузского периода является сочетание национального чувства с культурно-религиозным чувством. В языке это проявляется в единстве и гармонии языкового строя, в частности в гармонии фонетики и синтаксиса. Характерная черта среднефранцузского периода в развитии языка заключается в наличии национального, а также особого практического сознания, что приводит к разнообразию в фонетике и словоизменении, к беспорядочному обогащению словарного состава. Для нового периода мировоззрения французов свойственен натурализм и рационализм, что в языке характеризуется еще

более значительным обогащением его словарного состава и сопровождается его приспособлением к «духу» французского языка.

Таким образом, поиски нового подхода к языку в конце XIX и начале XX в. характеризуются критикой младограмматизма за его сугубо эмпирический подход к языковому материалу, отказ от постановки кардинальных теоретических проблем и от философии языка, за ярко выраженный психологизм. Одним из проявлений тенденции к обновлению в языкознании было возникновение рассмотренных выше школ и течений, в которых делаются попытки расширить область лингвистических исследований, по-новому осмыслить многие явления языка. Вместе с тем как младограмматики, так и их критики не смогли сформулировать цельную и четко выраженную общелингвистическую теорию. Эта задача была решена в XX в. Ф. де Соссюром и современной лингвистикой.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ